

АВГУСТ В ПУШКИНОГОРЬЕ

Август – преддверие осени. Он приносит с собой ощущение зрелой силы. Еще светлы и длинны наполненные теплом дни. Но первые золотые листья, частые туманы и готовящиеся к отлету птицы напоминают о том, что лето прошло.

В эту пору сто девяносто лет назад Александр Сергеевич Пушкин ехал в михайловскую ссылку. За дорожную коляску остались версты русских дорог, синь Черного моря, поля, виноградники и степи Крыма и Малороссии, бесконечные леса и готовые к жатве поля Белоруссии, хлебные золотые нивы и льняные угодья Псковщины. Большие и малые города, деревни, песни, думы, молитвы долгой дороги в родное Михайловское.

Домой, и все-таки – в ссылку. У которой есть начало, но, Бог весть, будет ли конец. От друзей, от простых и понятных радостей жизни, от такой желанной, привычной и недостижимой теперь повседневной суеты, в милое и незнакомое Михайловское. В матушкину родовую усадьбу, которой предстоит стать узилищем. Как-то все теперь будет...

Вспоминая Пушкина, пытаюсь порой поставить себя в обстоятельства его жизни, мы все чаще отмечаем пропасть времени, растущую между ним и нами. Но так ли это? Часы и минуты, словно живые, бегут с разной скоростью. Порой один день, да что там, один час бывает длиннее целого года. В него умещаются люди и события, ненастья и вёдро. На этом вечном законе неравенства времени человеческой жизни и жизни самой по себе строится чудо пушкинского музея, его заповедного уголка.

Творческому человеку, а гению тем более, дано своим трудом, преобразуя, менять полюбившиеся их сердцу места. Дом поэта – пространство его жизни, не просто крыша над головой. Здесь, словно дивные пчелы, его мысли собирают и сохраняют ароматный мед мечты, свежие ветра жизненных течений, свершений и упований. Здесь живут нашими вечными современниками литературные герои и обстоятельства их бесконечной жизни. И обитают вопросы-ответы, по которым, словно по ступеням, человек восходит к самому себе и Богу.

След в след великому человеку, мы способны открыть мир, как издревле открывает паломник Землю Обетованную: предсказанную, неизвестную, знакомую и принадлежащую нам от рождения. Мы сами, с первого до последнего вздоха, принадлежим этой чудной земле в счастье и в горе, в трудах и размышлениях, в свершенном и не исполненном. Мы – свидетели и соратники Поэта.

У каждого музея есть свой герой, свои герои. Прежде всего – люди. Но и вещи, и обстоятельства, в которых запечатлены вехи становления и преодоления человеком своих немощей на пути к Дому. В Михайловском, в Тригорском, в Петровском, у могилы Пушкина в Святогорском монастыре, в деревеньке Бугрово каждый наш взгляд, каждый шаг будят эхо ушедших жизней и явленных когда-то откровений. И эти отзвуки чужих жизней, если нам хватает внимания и любви, пробуждают в нас песни. И мы, как некогда Моцарт и Пушкин, вспоминаем о волшебной флейте, о звонкой свирели, о небесных ангелах, которые помогают нашей душе исполнить свое предназначение: петь во славу Божью.

Музей – это дом и рабочий кабинет, театр и храм, библиотека и мастерская, в которой редкие счастливицы, такие, как мы с вами, живут в свете и сознании Истины. И эту истину открывают другим. И это, если мы того хотим, – призвание.

Г. Н. Василевич, директор Пушкинского Заповедника

«..И, КАЖЕТСЯ, ВЕЧОР ЕЩЕ БРОДИЛ Я В ЭТИХ РОЩАХ...»

Прошло 190 лет со дня приезда Пушкина в михайловскую ссылку, но все здесь, по-прежнему, хранит память о поэте. Заповедные усадьбы не утратили подлинности восприятия именно потому, что восстановлены в мемориальном ландшафте, овеянном его поэзией. В «Онегине» читаем:

Я был рожден для жизни мирной,
Для деревенской тишины.
В глуши звучнее голос лирный,
Живее творческие сны.

Пушкин живо чувствовал связь природы и поэзии:

В гармонии соперник мой
Был шум лесов, иль вихорь буйный,
Иль иволги напев живой,
Иль ночью моря гул глухой
Иль шепот речки тихоструйной...

Разговор книгопродавца с поэтом. 1824

За два года михайловской ссылки Пушкин исходил всю губернию Псковскую. А Псковская земля – это земля памятников, которые помогали ему живее представить события далеких веков, волновали творческое воображение поэта, ощущавшего себя летописателем, подобно Пимену из «Бориса Годунова»:

Да ведают потомки православных

Земли родной минувшую судьбу...

Границы Заповедника до сих пор закреплены поэтическим словом Пушкина и его современников. И сегодня внимательный путник, идущий из Михайловского в Тригорское, увидит здесь ... И те отлогости, те нивы Из-за которых вдалеке, На вороном аргамаке, Заморской шляпою покрытый, Спеша в Тригорское, один – Вольтер, и Гете, и Расин, – Являлся Пушкин знаменитый...

Н. М. Языков. Тригорское. 1826

Так же узнаваема в наше время старая дорога из Михайловского в Петровское. Эту дорогу иногда называют «дорогой Владимира

Дубровского». «"Вот Покровское!" Дубровский поднял голову; он ехал берегом широкого озера, из которого вытекала речка и вдали извивалась между холмами...».

Эти уникальные ландшафты узнаваемы и в наше время так же, как узнаваемы они были во времена Пушкина. Почти уже 200 лет Михайловское является местом паломничества почитателей творчества поэта. Приходя сюда, люди ощущают незримое присутствие Пушкина в его деревенском кабинете. Многие, побывав здесь, возвращаются на более продолжительное время, подобно герою из «Романа в письмах»: «Вот уже две недели, как я живу в деревне и не вижу, как время летит. Отдыхаю от петербургской жизни, которая мне ужасно надоела. Не любить деревни простительно монастырке, только что выпущенной из клетки, да 18-летнему камер-юнкеру – Петербург приходя, Москва девичья, деревня же наш кабинет. Порядочный человек по необходимости проходит через переднюю и редко заглядывает в девичью, а сидит у себя в своем кабинете».

Стараниями сотрудников Заповедника Михайловское бережет традиции усадебного гостеприимства, драгоценный мемориальный ландшафт, старинные парки, где живы еще старые деревья – современники Пушкина. Сотрудники музея – поистине подвижники своего дела, которые воспринимают стихотворение «Домовому» (1819) как своего рода охранную грамоту:

... Храни селенье, лес и дикий садик мой
И скромную семью моей обитель!..

Л. П. Тихонова, заместитель директора

П. Т. ФОМИН. ДОРОГА В ПЕТРОВСКОЕ. 1963. ИЗ ФОНДОВ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА

С. С. ГЕЙЧЕНКО. ФОТО Ю. БЕЛИНСКОГО. 1983. ИЗ ФОНДОВ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА

«ДОВОМОВОЙ» ПУШКИНОГОРЬЯ

2 августа мы отметили 21-ю годовщину смерти С. С. Гейченко, легендарного директора Пушкинского заповедника. Он жил долго и был великим тружеником. На вопрос журналиста – в чем искать утешение? – ответил: «Утешение? В труде! Если работа вам в тягость, какое может быть утешение? Вы сами себе в обузу... А если вы торите свою тропу, выбранную по сердцу, тогда и преклонный возраст не самая большая помеха...»

До конца 1980-х годов штат заповедника был небольшим – около ста человек. Не сразу и далеко не каждого Гейченко брал на работу. Иногда годы проходили, когда наконец-то мечта человека сбывалась. И коллектив был спаянным, дружным, работоспособным. Трудились в музее увлеченные, преданные своему делу люди. В те годы рабочий получал 60 р., смотритель – 70, научный сотрудник – 85. Для сравнения: в Пушкиногорском бюро экскурсовод в сезон зарабатывал ежемесячно 250 – 350 р. Но из музея если кто уходил, то, как правило, по личным мотивам.

Семен Степанович требовал от сотрудников не казенного отношения к делу, а «умиления сердечного». Он обладал особым даром создавать атмосферу подлинности, атмосферу домашнего тепла, уюта. «Нет неодушевленных вещей, есть неодушевленные люди», – говорил он. Лично для него каждый музейный экспонат, каждое деревце, каждый кустик – все было живым, одушевленным. И Пушкин для Семена Степановича – его современник. Я. Хелемский писал: «Гейченко одарен разносторонне. Обладает он и даром устного рассказа. Сила воздействия на аудиторию заключена не только в ораторском мастерстве директора. Здесь присутствует нечто большее. Все, о чем говорит Гейченко, не просто знакомо и дорого ему. Все это воссоздавалось, оберегалось и собиралось им в течение долгих лет. Это – часть его существа... Пушкин для Семена Степановича – человек абсолютно живой во всех своих проявлениях. Гейченко знает о нем все: как он держался в седле, как мылся в бане, как справлял свой день рождения в обществе дворовых людей...»

Известный скульптор, автор памятника поэту в Пушкинских Горах Е. Ф. Белашова писала Гейченко: «Вы тот человек, который соединяет в себе фантазию и практику жизни».

Он был мечтателем. Мечтал о том, чтобы не только были включены в состав заповедника, но и восстановлены усадьбы родственников и друзей А. С. Пушкина: имение И. А. Ганнибала Воскресенское, имение Е. Н. и Б. А. Вревских Голубово, усадьба Е. И. Фок Лысая Гора. Он хотел восстановить Георгиевскую церковь на городище Воронич; мечтал о возведении в Пушкинских Горах Научно-музейного центра, где бы разместились фонды, архив, библиотека, где посетители смотрели бы фильмы о заповеднике, посещали выставки, слушали лекции.

Многое из этих планов, задумок в настоящее время стало реальностью.

Он знал и счастье, и беды, и горести. Он говорил: «А Бог мне ниспослал жизнь интересную, хотя порой и весьма тяжкую, но уж таков наш век, перевернувший русский мир вверх дном. Однако без Пушкина жизнь эта была бы еще мучительнее».

В. В. Герасимова,
хранитель некрополя Ганнибалов-Пушкиных

ГЛУШЬ И СУДЬБА

В этом году совпадают 190-летие начала северной ссылки А. С. Пушкина (август 1824 – сентябрь 1826) и 50-летие ссылки И. А. Бродского в деревню Норенская (апрель 1964 – сентябрь 1965). Полувековому юбилею посвящена книга-альбом «Иосиф Бродский в ссылке: Норенская и Коноша Архангельской области» / Авт. – сост. М. И. Мильчик. – СПб, 2013.

Когда в детстве меня и сестру летом везли к дедушке и бабушкам в Няндому, и мы проезжали последнюю перед ней станцию Коноша, близ которой в это время находился Бродский, никто из нас и понятия не имел о существовании такого поэта. Точно так же, как некому было сказать мне, в июле 1972 года приехавшей поступать в ЛГУ им. А. А. Жданова, что чуть более месяца назад родной город и «возлюбленное отечество» навсегда и не по своей воле покинул будущий Нобелевский лауреат 1987 года по литературе. И только в Михайловском для меня прочно зарифмуются имена и Пушкина, и Овидия, и Бродского. И дело не во внешнем сходстве положений, ибо «сходство отдельных моментов биографии у людей далеко друг от друга отстоящих эпох всегда поверхностно и ни о чем не говорит» (Л. Лосев).

Вот я – изгнанник, взгляни, насыть свою душу! Двойную
Кару несущи: тяжка ссыльному глушь и судьба.

(Овидий. Печальные элегии. Пер. Я. Голосовкера)

Опыт Овидия стал важным для ссыльных Пушкина, Мандельштама, Бродского. Для Бродского ближе оказался пушкинский (деревенский) опыт изгнания, и об этом высказывались знавшие его люди. «Место было глухое, тоскливое, но не тоскливее и не глуше, например, того же Михайловского, – писал А. Найман, навещавший поэта в Норенской. – <...> Сейчас побывать в Михайловском – одно удовольствие. Да и тогдашняя жизнь там Пушкина выглядит на сторонний взгляд комфортабельной, питающей творчество, насыщенной. Уверен, что не на взгляд Бродского. Слишком, как всегда, по-бандитски нагло, безжалостно, отвратительно было вторжение безнаказанного государственного насилия в его личную жизнь». И далее: «Он был избавлен от суеты, неизбежной для прежнего образа жизни. Проясненное новыми условиями сознание позволяло увидеть происходящее трезво, происшедшее – очищенным от наносного, позволяло вглядываться в будущее. Он должен был справляться с непривычными вызовами повседневности. У него была масса времени читать. Думать без помех. Писать стихи. Переписываться». Эти и другие примеры говорят о возможности взглянуть на судьбу Пушкина еще и сквозь призму судьбы Бродского. Того, кто, по мысли Я. Гордина, попав в «места умирая» (Бродский), «злой умысел» своих гонителей «сумел переплавить в новый и фундаментально для него важный творческий опыт». Кто, как и Пушкин, прославил никому дотоле неизвестную северную глушь, где сила духа ссыльного поэта «и суровая органика русской деревни, объединившись, дали грандиозный результат».

И. Ю. Парчевская, ведущий специалист

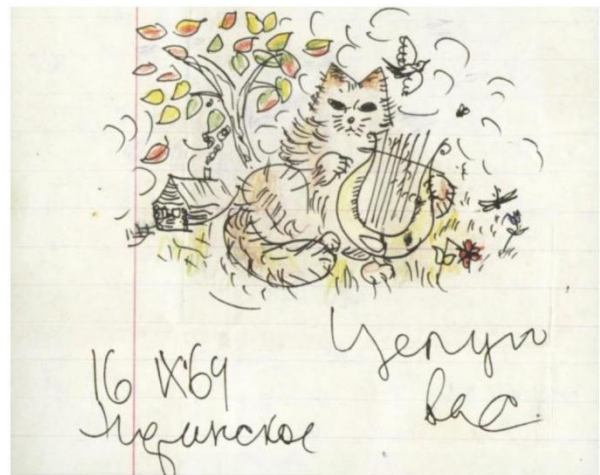

РИСУНОК И. БРОДСКОГО В ПИСЬМЕ К РОДИТЕЛЯМ. МУЗЕЙ АННЫ АХМАТОВОЙ

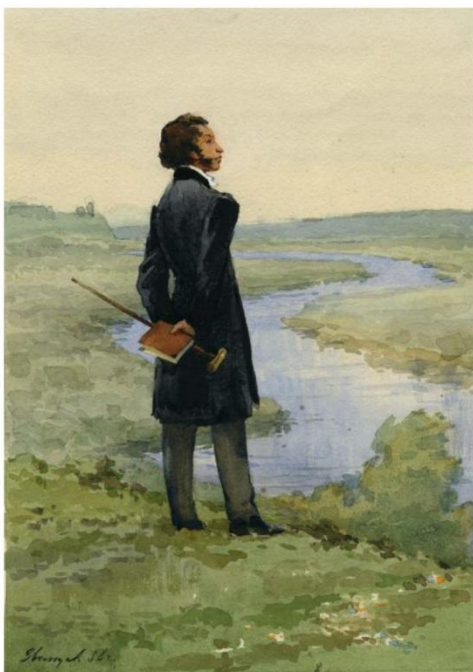
Х Х В Е К О П У Ш К И Н Е

К 1 9 0 – л е т и ю н а ч а л а

М И Х А Й Л О В С К О Й с с ы л к и

От подлинного пушкинского пребывания здесь сохранились только виды на Сороты и озеро Маленец, леса и нивы, луга, «измятые» его «бродящей ленью», – и все это прелесть как хорошо. И не особенно все это живописно – мало ли мест в России красивее! – но здесь над всем точно носится дух первобытной народной поэзии. Тоскливой, жалостно-убогой, но милой сердцу, как все нам близкое, знакомое, родное...

В. В. Тимофеева-Починковская
Шесть лет в Михайловском. 1911

В. М. ЗВУКОВ. МИХАЙЛОВСКОЕ. А. С. ПУШКИН НА БЕРЕГУ СОРОТЫ. 1958
ИЗ ФОНДОВ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА

<...> Пушкин автобиографичен насковзь. <...> Не касаясь сложного вопроса о том, с кого «обрисованы» герои «Онегина», укажу для примера, что Пушкин сам признавался, что в IV главе изобразил свою жизнь; исследование показывает, что няня Лариных и няня Пушкина – одно лицо, что Ленский погребен у знаменитых трех сосен, между Михайловским и Тригорским, что даже Татьяна отчасти оказывается автопортретом Пушкина.

Владислав Ходасевич. О чтении Пушкина
(К 125-летию со дня рождения). 1924

«Подруга дней моих суровых – Голубка дряхлая моя!» <...> Голубка я слово знала, так отец всегда называл мою мать <...>. Слово *подруга* – самое любовное из всех – впервые прозвучало мне, обращенное к старухе. <...> Дряхлая голубка – значит, очень пушистая, пышная, почти меховая голубка, почти муфта – голубка, вроде маминной котиковой муфты, которая была бы голубою, и так Пушкин называл свою няню, потому что ее любил. Скажу: подруга, скажу: голубка – и заболит.

Марина Цветаева. Мой Пушкин. 1937

Главная прелесть Михайловского парка в обрыве над Соротью и в домике няни Арины Родионовны – единственном домике, оставшемся от времен Пушкина. Домик так мал и трогателен, что даже страшно подняться на его ветхое крыльцо. А с обрыва над Соротью видны два синих озера, лесистый холм и наше вековечное скромное небо с уснувшими на нем облаками.

Константин Паустовский. Михайловские рощи. 1937

Изменилось лицо с. Михайловского. Нет больше руин, пепла и развалин. Навсегда уничтожены следы немецкого хозяйничанья и вандализма. Общий рельеф окрестного пейзажа вновь стал неизменно пушкинским – с его двумя оправленными яркой зеленью лугов озерами, с его старыми соснами, березами и липами, с любимым пушкинским «холомом лесистым» над извилами Сороти. <...>

Усадьба поэта. Рядом с восстановленным в 1947 году «домиком няни» на старом пушкинском фундаменте возвышаются стены нового дома-музея. Одноэтажный, рубленый, крытый тесом, он очень близок к тому, о чем так давно мечтали пушкинисты, почитатели Пушкина. <...>

Кабинет Пушкина восстанавливается как мемориальная комната. В нем будут сосредоточены немногие личные вещи поэта, а также археологически точные копии с предметов, принадлежавших Пушкину и некогда находившихся в Михайловском – рабочее кресло, книжная полка, письменный стол.

С. С. Гейченко. Пушкинский заповедник восстанавливается // Пушкинский колхозник, 6 июня 1948 г.

Пушкин приехал в Михайловское в самом подавленном настроении. После шумной и открытой одесской жизни Пушкина ожидала глухая деревня. Вместо богатой южной природы, яркого южного солнца – серое небо, сырая осень, скудная природа севера. <...>

Жизнь под полицейским наблюдением отца, который принял на себя поручение правительства следить за сыном, была невыносима. Тоска гнала Пушкина из дому. Он проводил вечера в Тригорском у П. А. Осиповой.

Б. В. Томашевский. Пушкин. 1957

Очевидно, эта волна мнительности и тяжелой депрессии, которую Пушкин пережил в Одессе и которую воронцовско-раевская история (и еще какие-то неизвестные нам обстоятельства) обострила, если не вызвала, и которую он привез с собой в Михайловское (и там якобы от нее освободился – «Я помню чудное мгновенье»), – снова <...> начала овладевать им. Но к его, а тем более к нашему счастью, эти страшные периоды не были отмечены молчанием его Музы. Наоборот! То, что он своими золотыми стихами описывал эти состояния, и было своеобразным лечением. Пушкин сам говорил об этом:

Поэзия, как ангел утешитель,
Спасла меня, и я воскрес душой <...>.

Анна Ахматова. О пушкинской хандре. 1959

Х Х В Е К О П У Ш К И Н Е

К 190 – л е т и ю н а ч а л а

М И Х А Й Л О В С К О Й с с ы л к и

БИЛЬЯРД ПУШКИНА В МИХАЙЛОВСКОМ

Что же есть? Четыре тусклых
Шарика в шкафу светелки...
Сокращеннее, чем мускул
На щеке моей сведенной,
Сведенья. Кому их мало?
Мне ли?! Мне звенит весь вечер
Мчащегося пониманья
Ослепительный бубенчик.

Вдоль сукна полей бильярдных
Долог путь мой к звонким веткам,
От шаров до вечных яблок
В палисаде заповедном.
И под вечными снегами,
Под метелью и под ветром
Деревень ночных миганье
Заповедно, заповедно...

То не озеро Кучане,
То чернил разбег и росчерк,
И висок его курчавый – та коричневая роща.
Не забыть, не отоспаться,
Не уняться жадной тяге:
Вот шары – их брали пальцы,
Голубые под ногтями.

Вот шары – они как луны
На пути моем бесследном
К дому, к имени, к полудню,
К строчкам пушкинским –
Бессмертным.

1960-е Татьяна Галушко

С точки зрения творчества Михайловское ознаменовало собой важный поворот для Пушкина. Здесь, вновь и надолго прикоснувшись к народной почве и к народной жизни, он становится все более зрелым и все более самобытным. Он уже не может быть удовлетворен традиционно романтическими сюжетами и романтическими приемами изображения: он ищет нового; в своей поэзии он, как никогда прежде, идет навстречу живым впечатлениям и живой жизни.

Е. А. Маймин. Пушкин. Жизнь и творчество. 1981

<...> годы ссылки стали для Пушкина временем, когда он выработал свою позицию по отношению к литературному труду в России, где культура была авторитарна и подцензурна. Стать первым национальным поэтом означало для Пушкина заниматься литературным трудом в рамках социального и политического режима, высшей степени жесткого и чрезвычайно переменчивого. За время ссылки голос Пушкина окреп настолько, что потом поэт мог писать о жестокости, бросать вызов властям, показывать читателю, как эта жестокость властей сказывается на частной жизни литератора, и открыто бороться за сохранение своего «я» в условиях, которые побуждали служителей муз заискивать перед властями.

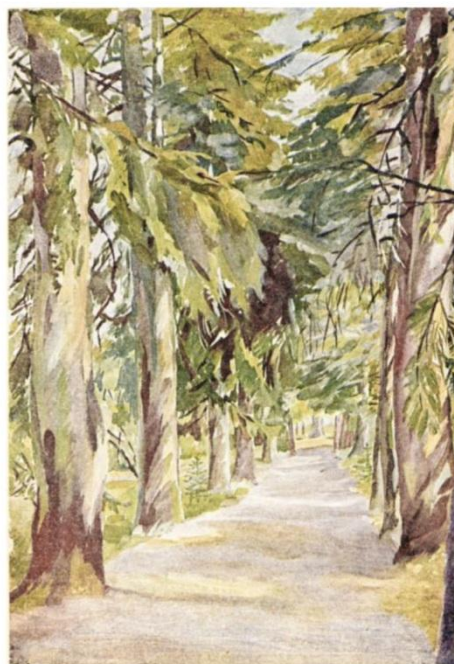
Стефани Сандлер. Далекие радости.
Александр Пушкин и творчество изгнания. 1989 – 1999

МИХАЙЛОВСКОЕ

Деревья пели, кипели,
Переливались, текли,
Качались, как колыбели,
И плыли, как корабли.

Всю ночь, до самого света,
Пока не стало светло,
Качалось сердце поэта –
Кипело, пело, текло.

1970 Давид Самойлов

Л. С. Хижинский. Подвезная еловая аллея в Михайловском. 1935
Лист из альбома «Пушкинский заповедник. Акварели Л. Хижинского»
из фондов Пушкинского заповедника

* * *

Нине

А в Псковской области режутся сеголетки.
Мертв тот, кто птичку выпускал из клетки.
Но семят пушинки тополей
нечернозем полей.

Он на лошадке цвета шоколадки
катался без дорог,
и цоканье копыт его лошадки
отцеживалось в местный говорок.

Одна из необъединенных наций,
дождь третий день висит, как полицай,
и если кто у них горащий,
так только чай.

Одна из наций, вдрызг разъединенных,
не ведавших об оденах и доннах,
не зван, но он
звучит, когда душа отглагонала,
отлитый из латинского металла
в долине звон.

22 июня 1996

Лев Лосев

« НАСТОЯЩИЙ ДВАДЦАТЫЙ ВЕК »

К 100-летию Первой мировой войны и 75-летию Второй мировой войны

* * *

Петроградское небо мутилось дождем,
На войну уходил эшелон.
Без конца – взвод за взводом и штык за штыком
Наполнял за вагоном вагон.

В этом поезде тысячью жизнью цвели
Боль разлуки, тревоги любви,
Сила, юность, надежда... В закатной дали
Были дымные тучи в крови.

И, садясь, запевали Варяга одни,
А другие – не в лад – Ермака,
И кричали ура, и шутили они,
И тихонько крестилась рука.

Вдруг под ветром взлетел опадающий лист,
Раскачнувшись, фонарь замигал,
И под черною тучей веселый горнист
Заиграл к отправленью сигнал.

И военною славой заплакал рожок,
Наполняя тревогой сердца.
Громыханье колес и охрипший свисток
Заглушило ура без конца.

Уж последние скрылись во мгле буфера,
И сошла тишина до утра,
А с дождливых полей все несло к нам ура,
В грозном клике звучало: пора!

Нет, нам не было грустно, нам не было жаль,
Несмотря на дождливую даль.
Это – ясная, твердая, верная сталь,
И нужна ли ей наша печаль?

Эта жалость – ее заглушает пожар,
Гром орудий и топот коней.
Грусть – ее застилает отравленный пар
С галицийских кровавых полей...

1 сентября 1914

Александр Блок

К. Г. ПРУТКО. ПОДЛУНЬЕ. 1980. БУМАГА, РЕЗЕЦ, АКВАРЕЛЬ. ИЗ ФОНДОВ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА

* * *

Война, война! – Кажденья у киотов
И стрекот шпор.
Но нету дела мне до царских счетов,
Народных ссор.

На, кажется, – надтреснутом – канате
Я – маленький плясун.
Я – тень от чьей-то тени. Я – лунатик
Двух темных лун.

16 июля 1914, Москва Марина Цветаева

* * *

Божий Ангел, зимним утром
Тайно обручивший нас,
С нашей жизни беспечальной
Глаз не сводит потемневших.

Оттого мы любим небо,
Тонкий воздух, свежий ветер
И чернеющие ветки
За оградой чугунной.

Оттого мы любим строгий,
Многоводный, темный город,
И разлуки наши любим,
И часы недолгих встреч.

Сентябрь 1914, Петербург Анна Ахматова

ВОЙНА

М. М. Чичагову

Как собака на цепи тяжелой,
Тявкает за лесом пулемет,
И жужжат шрапнели, словно пчелы,
Собирая ярко-красный мед.

А «ура» вдали — как будто пенье
Трудный день окончивших жнецов.
Скажешь: это — мирное селенье
В самый благодный из вечеров.

И воистину светло и свято
Дело величавое войны.
Серафимы, ясны и крылаты,
За плечами воинов видны.

Тружеников, медленно идущих,
На полях, омоченных в крови,
Подвиг сеющих и славу жнущих,
Ныне, Господи, благослови.

Как у тех, что гнутся над сохой,
Как у тех, что молят и скорбят,
Их сердца горят перед Тобою,
Восковыми свечками горят.

Но тому, о Господи, и силы
И победы царский час даруй,
Кто поверженному скажет: «Милый,
Вот, прими мой братский поцелуй!»

1914

Николай Гумилев

БЕЛАЯ ОДЕЖДА

В ночь скорбей три девы трех народов
До рассвета не смыкали вежды –
Для своих, для павших в ратном поле,
Шили девы белые одежды.

Первая со смехом ликовала:
«Та одежда пленным пригодится!»

« НАСТОЯЩИЙ ДВАДЦАТЫЙ ВЕК »

К 100-летию Первой мировой войны и 75-летию Второй мировой войны

Усмехнулась в небе Матерь Божья,
Те слова пред Сыном повторила,
Третьей девы белую одежду
На Христовы раны положила:

«Радуйся, воистину Воскресший,
Скорь твоих страданий утолится,
Ныне сшита кроткими руками
Чистая Христова плащаница».

1909 Тэффи

* * *

В белом раю лежит богатырь:
Пахарь войны, пожилой мужик.
В серых глазах мировая ширь:
Великорусский державный лик,
Только святые умеют так
В благоуханном гробу лежать:
Выпростав руки, блаженства в знак,
Славу свою и покой вкушать.

Разве Россия не белый рай
И не веселые наши сны?
Радуйся, ратник, не умирай:
Внуки и правнуки спасены!

Декабрь 1914 Осип Мандельштам

* * *

Жить – так на воле,
Умирать – так дома.
Волково поле,
Желтая солома.

День объявления войны <1939>

Анна Ахматова

* * *

Вы нашей земли не считаете раем,
А краем пшеничным, чужим караваем, –
Штыком вы отрезали лучшую треть.
Мы намертво знаем, за что умираем:
Мы землю родную у вас отбираем,
А вам – за ворованный хлеб умереть!

<1941> Арсений Тарковский

ПОБЕДИТЕЛЯМ

Сзади Нарвские были ворота,
Впереди была только смерть...
Так советская шла пехота
Прямо в желтые жерла «Берт».
Вот о вас и напишут книжки:
«Жизнь свою за други своя»,
Незатейливые парнишки –
Ваньки, Васьки, Алешки, Гришки,
Внуки, братики, сыновья!

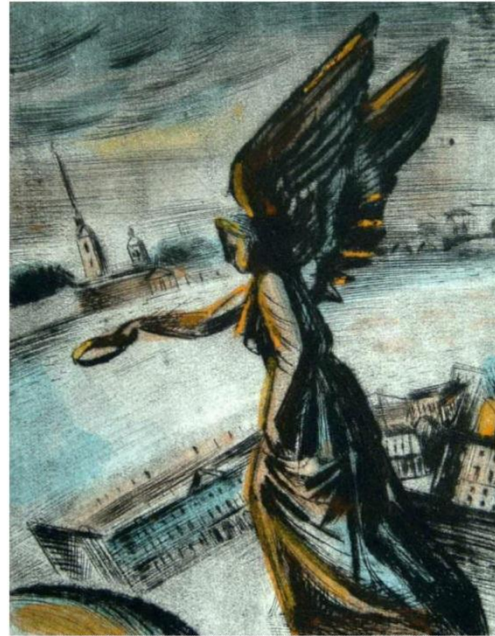
29 февраля 1944

Ташкент

Анна Ахматова

1 СЕНТЯБРЯ 1939 ГОДА

День назывался «первым сентября».
Детишки шли, поскольку - осень, в школу.
А немцы открывали полосатый
шлагбаум полейков. И с гудением танки,
как ногтем – шоколадную фольгу,
разгладили улан.

К. Г. ПЕТРОВ. ГЕНИЙ ГОРОДА. 1984. БУМАГА, РЕЗЕЦ, АКВАРЕЛЬ. ИЗ ФОНДОВ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА

Достань стаканы
и выпьем водки за улан, стоящих
на первом месте в списке мертвцов,
как в классном списке.

Снова на ветру
шумят березы, и листва ложится,
как на обретенную конфедератку,
на кровлю дома, где детей не слышно.
И тучи с громоуханием ползут,
минуя закатившиеся окна.

1967 Иосиф Бродский

* * *

От войны войны не ищут.
У войны слепой расчет:
там чужие пули рыщут,
там родная кровь течет.

Пулька в золотой сорочке
со свинцовым животом...
Нет на свете злей примочки,
да кого спросить о том?

Всем даруется победа,
не взаправду – так в душе.
Каждый смотрит на соседа,
а соседа нет уже.

Нас ведь создал бог для счастья
каждого в своем краю.
Отчего ж глухие страсти
злобно сводят нас в бою?

Вот и прерван век недолгий,
и летят со всех сторон
письма, словно треуголки
Бонапартых времен.

1988 Булат Окуджава

«ГОЛУБОЙ ПУШКИН»

В конце 1970-х – начале 1980-х гг. Семен Степанович Гейченко часто бывал у меня в мастерской на 14-й линии Васильевского острова, благо это было буквально в двух шагах от его питерской квартиры (нужно было пройти дворами две линии).

Во время этих его наездов в Ленинград обсуждали перспективы наших совместных действий. К тому времени вариант картины «Пушкин в Михайловском», который я лелеял со времен моей дипломной работы, успел мне изрядно поднадоесть. Точнее, тот слегка кабинетный образ поэта чувствовался уже состоявшимся, и хотелось чего-то нового. Хотелось выхода в природу, в открытый простор, на свободу, так присущую его духу. Я знал, что в картине должно быть много света – свет должен играть решающую роль. «Солнце русской поэзии», ну как же оно обойдется без присутствия нашего земного светила? В то же время Пушкин существо земное, романтизм его всегда твердо стоял на «реальных» ногах земной любви. Следовательно, должна быть и земля, и ее должно быть много, и красивой земли: поле, трава, дубравы, вода. Вода как основной отражатель солнца с серебряной игрой бликов.

Л. В. ГЕРВИЦ, ПУШКИН. ЭСКИЗ. ИЗ СОБРАНИЯ АВТОРА

Картина была написана в один присест. Холсту предшествовало несколько небольших эскизов углем, фломастером и маслом на негрунтованной бумаге. Форма квадрата (почти) диктовалась гармоничной задумкой как форма сама в себе. Работалось легко и непринужденно – тема была близкая и известная до малейших деталей: одежда, состояние природы у берегов Сороти. Контражур как основной ключ к изображению задуманной идеи был мною не раз использован в пейзажах Пушкиногорья и Ленинграда (см. «Нева», 1971). Несколько ограниченная палитра, с упором на тональные контрасты, должна была концентрировать внимание зрителя на эффекте сильного света, даже в ущерб определенной живописности, а, напротив, усиления графической лаконичности картины. Помню, картина была очень хорошо принята на весенней выставке в Манеже, где висела в центральном зале.

При очередном разговоре с Семеном Степановичем было решено ее перевезти в Пушкинские Горы. В 1979 – 1980 гг. она была представлена на групповой выставке живописи и графики, наряду с работами Р. Яхнина, Г. Фильчакова, В. Алексеева, С. Репина.

Научного центра тогда не было, и она хранилась в фондах в Михайловском (об этом лучше меня знают сотрудницы Заповедника). Вскоре ее заметили и в Москве. Приехавшие на Пушкинский праздник поэзии 1980-го года замечательные фотографы издательства «Планета» Женя Кассин и Гриша Расторгуев поместили ее на фронтисписе нового путеводителя по Заповеднику, который издавался в 1982 и (в твердой обложке) в 1985 гг. на русском, английском, немецком и французском языках.

Л. В. ГЕРВИЦ, ПУШКИН. ЭКИЗ. ИЗ СОБРАНИЯ АВТОРА

Затем Семен Степанович поместил репродукцию этой картины в свою книгу «Завет внуку». А до того, в 1981 году, картина репродуцировалась на обложке ленинградского журнала «Аврора». В 1987 году она вошла в состав музейного собрания Пушкинского заповедника.

Очень интересный случай произошел в этой связи уже в США. От Евгения Евтушенко я узнал, что в г. Портленд, в штате Орегон, переехал на постоянное жительство поэт (учитель и старший товарищ Евтушенко, по его же словам) Александр Петрович Межиров. Однажды, в начале 2000-х гг., я посетил его там, будучи в Портленде по преподавательским делам (мастер-класс портрета). Каково же было мое удивление, когда после короткого приветствия поэт, которого я никогда не встречал ранее и которого не подозревал в осведомленности о моем творчестве, с порога заявил, что оно ему нравится и он давно знает мое имя по картине о Пушкине.

Надо сказать, что зрители не всегда однозначно одобряли мой замысел. По одному из комментариев в Книге отзывов, которая находилась на выставке в Братском корпусе, я понял, что зрителю непонятно, почему деревья синие. Но в целом картина была принята очень хорошо и по сей день остается одной из моих творческих удач. Большой любовью, как мне известно, пользуется она и у сотрудников Пушкинского заповедника. Ее часто можно видеть на выставках. У нее несколько названий: «Пушкин в Тригорском», «Воспоминание о Тригорском» и, наконец, неофициальное, присвоенное заинтересованными свидетелями ее появления в музее – «Голубой Пушкин».

Леонид Гервиц, июль 2014 г., New York

Л. В. ГЕРВИЦ, ВОСПОМИНАНИЕ О ТРИГОРСКОМ. 1978. ИЗ ФОНДОВ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА

«ЗЕЛЕНЬ ЛЕТА, ЭХ, ЗЕЛЕНЬ ЛЕТА!»

*Ленинградским экскурсоводам семидесятих,
работавшим в Пушкинских Горах, посвящается*

«Зелень лета, эх, зелень лета!
Что мне шепчет куст бересклета?
Хорошо пройтись без жилета!
Зелень лета вернется.
Ходит девочка, эх, в платочке.
Ходит по полю, рвет цветочки,
Взять бы в дочки, эх, взять бы в дочки.
В небе ласточка вьется».

14 января 1967

И. Бродский. Речь о пролитом молоке

24 мая – день рождения Иосифа Бродского. 24 августа – дата смерти Сергея Довлатова. Между этими датами – лето. Лето, объединяющее эти имена. Лето – время действия повести Сергея Довлатова «Заповедник», героем которого, по сведениям А. Ю. Арьева, автор хотел сделать персонажа масштаба Бродского – но побоялся, что не справится с показом внутреннего мира подобного героя, и поэтому выбрал в качестве прототипа себя – писателя, которого в Союзе не печатают и который в поисках заработка готов на любую работу околотитературного характера, будь то газетные статьи или экскурсии по Пушкинскому заповеднику. Лето – это почти синоним свободы. Есть предположение, что Бродского, как и Довлатова позже, друзья хотели пристроить в Пушкинском заповеднике – не сложилось. В Пскове был. Как результат – «Псковский реестр». До Пушкинского заповедника не доехал. Довлатов доехал до Пушкинских Гор – и получился «Заповедник», в подарок друзьям сопровождаемый надписью: «В память о лучших местах на земле». Существует устный рассказ одной из сотрудниц музея, как Довлатов перед отъездом пришел в Михайловское, смотрел на все, будто навсегда прощаясь с чем-то очень дорогим, а заметив на себе посторонний взгляд, грустно и торжественно поклонился и невольной свидетельнице этого прощания.

Дарственная надпись стала эпитафией к серии фотографий, в которых сделана попытка визуально передать смысл, в ней заложенный. Мы уточнили у А. Ю. Арьева, что именно представлял себе он, адресат, вспоминая «лучшие места на земле»? Как и предполагалось – ведь это общее впечатление так называемых «подготовленных» (т. е. читающих и понимающих поэзию Пушкина) посетителей заповедника – самые яркие воспоминания оставили нетронутой поэтической природой пушкинских мест и особое, понятное для горожанина, восхищение веками сохраняемым пушкинским пейзажем, во всех его сезонных изменениях.

Что мы и постарались передать в подборке фотографий, сделанных в Пушкинском заповеднике и его окрестностях в 2010 – 2013 гг. и представленных на музейном сайте.

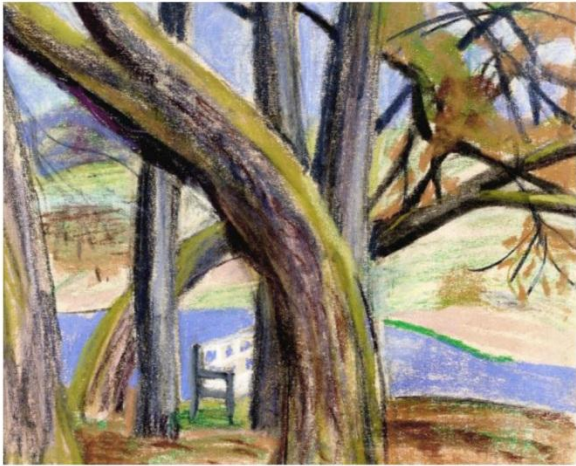
Строчку Бродского в качестве заглавия фотосерии предложила И. Ю. Парчевская, много лет отвечавшая за выставочную деятельность музея. Сначала такое название показалось случайным, но, по зрелом размышлении, было принято. Поэт и биограф Бродского Лев Лосев в комментариях к заключительной строфе его стихотворения отмечает только реминисценцию из Мандельштама («это ласточка и дочка») – возможно, ввиду явной очевидности для него двух других.

Ведь тут и явный поклон Пушкину: «Хорошо пройтись без жилета!» – это легко узнаваемый отсыл к стихотворению 1817 года «Товарищам» («В июле распахнуть жилет»). И здесь, и там расстегнутый жилет, а тем более его отсутствие – признак свободы. «Зелень лета вернется» – не менее прозрачный кивок в сторону Козьмы Пруткина, его «Юнкера Шмидта» («Погоди, безумный, снова / Зелень оживится! / Юнкер Шмидт! честное слово, / Лето возвратится!»). А вся эта гамма смыслов, представляется, как нельзя лучше передает настроения ленинградских экскурсоводов, работавших в Пушкинских Горах в середине 1970-х, во времена «музейного бума». А. Ю. Арьев, В. В. Герасимов, С. Д. Довлатов, В. П. Старк, Н. К. Телетова и многие другие, менее известные, но столь же первоклассные экскурсоводы ленинградской школы сделали тогда немало для того, чтобы Пушкинский заповедник стал одним из самых известных музеев России, а по качеству экскурсий – возможно, и лучшим. Если для заповедника существовал «золотой век» – это были семидесятые годы XX века. А для многих экскурсоводов тех лет заповедник остался в памяти как просто – «лучшее место на земле». Таким для тех, кому дороги свобода и «веселое имя: Пушкин», он остается до сих пор – несмотря ни на что.

Е. А. Ступина, ведущий специалист
Фото с виртуальной выставки на сайте музея

Я РИСУЮ

К. ПРЕТРО. «СКАМЬЯ ОНЕГИНА». ИЗ ФОНДОВ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА

26 июля в Михайловском, намеренно предваряя юбилейную дату, которая приходится на малолюдную позднюю осень, открылась выставка петербургской художницы Коринны Претро. Это имя хорошо известно и любимо и в ее родном городе, и в Пушкинском Заповеднике. В ряду славных имен людей искусства, связанных с историей музея, оно занимает особое место. Художница и биографически, и творчески глубоко и прочно связана с пушкинской землей. Кроме художественного дара она, несомненно, имеет и дар литературный, что позволяет посетителю выставки под названием «Лирический дневник» получить комментарий к представленным работам И. П.

Святые Горы. Я гляжу на этот «пустынный уголок, приют спокойствия, трудов и вдохновенья» глазами поэта, написавшего эти строки.

Я хожу с альбомом и рисую (весной и осенью почти каждый день), веду своего рода дневник даже не моей жизни здесь, а жизни окружающей меня природы. У меня есть любимые места, к которым я возвращаюсь снова и снова, есть же такие пейзажи, которые безвозвратно утрачены: упало или спилили дерево, молодая поросль закрыла тот кусочек парка, который был мне так мил; но зато открылся новый пейзаж с новыми далями, кустами и деревьями.

Я прихожу на одно и то же место и не узнаю его: другие цветы, другое освещение, другое небо.

Мне очень интересно рисовать этот без конца меняющийся мир и вести своего рода летопись окружающей природы.

Впервые я приехала в Святые Горы на практику, когда была студенткой Академии художеств. Жили мы в школьном городке, где-то над почтой, ходили пешком, не было никаких велосипедов. Обедали в ресторане, который за высокое местоположение называли Парфеноном. Там была дешевая еда, которую мы, студенты, могли себе позволить, а у дверей стоял швейцар в фуражке и шинели с галунами. Рисовали мы в Михайловском, в

К. ПРЕТРО. КЛАДБИЩЕ. 2003. ИЗ СОБРАНИЯ АВТОРА

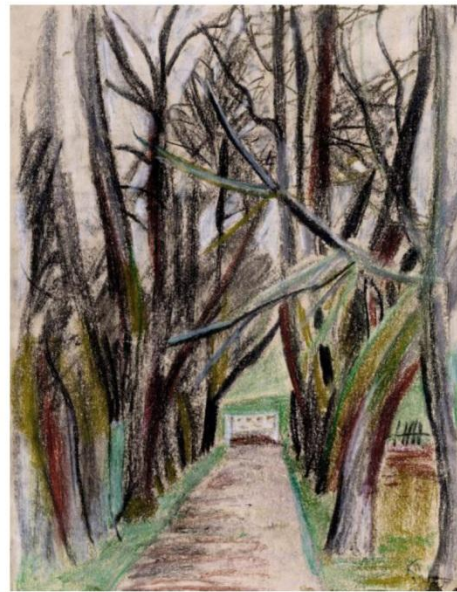
монастыре, в Ворониче (ни в Тригорском, ни в Петровском усадьбы не были еще восстановлены). Купались в Сороти. Ели в лесу малину. Встречались с Семеном Степановичем Гейченко.

Прошло много, много лет, я вернулась сюда, но уже не как гостя, а как постоянный житель, построила свой дом на том самом месте, где когда-то жила на даче в 30-е годы моя матушка, в Ворониче, на старой Опочечкой улице (ныне улица Южная).

Каждую весну я приезжаю сюда из Петербурга и живу до глубокой осени. Я вижу, как зеленеют поля и луга, как разливается Сороть, я слышу пение жаворонков, соловьев и иволги. Вижу, как расцветают эти луга, как зреет на полях урожай, как осенью они засыпают.

Я становлюсь свидетелем разных перемен, и природных, и человеческих. Еще недавно в тригорском саду красовался дуб-беседка, вот ветер ломает его могучие сучья – и силуэт его разительно меняется: это уже потрепанное жизнью деревом-инвалид, а не прежний могучий красавец.

А на городище стоял фундамент церкви Георгия Победоносца, но вот пришли строители и стали возводить храм. И он стоит живой, новый, и кажется, что он всегда украшал этот пейзаж. Вот луг, на котором на практике я рисовала сенокос, где еще недавно паслись 14 коров – теперь он пуст. Вот соседский огород, хорошо видный из окна моей мастерской. Осень, несколько баб в пестрых платках и платьях, рыжий конь Красавчик, оранжевые деревья. Убирают картошку. Теперь хозяев нет – умерли. Огород зарастает лесом.

К. ПРЕТРО. АЛЛЕЯ КЕРН. 1999. ИЗ ФОНДОВ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА

А это сажают картошку у Зиновьевых: весна, май, белая лошадь, пышно цветут яблони, городище как уснувшее огромное животное, синее небо. Яблони по весне еще цветут, а картошку сажать уже некому.

А вот ворота кладбища в Ворониче, где похоронены моя матушка, и брат, и большинство моих бывших соседей по деревне – и где хотелось бы упокоиться и мне.

Первый снег. Домик опального поэта затерялся в этом унылом пейзаже, и только березы, еще рыжие, украшают его.

И везде незримое присутствие Пушкина. Здесь, по этой дороге, он ходил, здесь сидел, здесь писал стихи, здесь думал и учился «в истине блаженство находить», здесь зрел душой и наполнялся духом, здесь слышался его смех и здесь текли его невидимые слезы.

Остановись, мгновенье! Запечатлим кусочек этого чудного бытия, эти слова, если не в вечности, то в памяти потомков, – этот прекрасный, вечно меняющийся мир, обожим его по мере своих слабых сил, как это сделал великий поэт, принесший нам радость любви и надежду возрождения.

Я раскрываю альбом и рисую...

К. Претро

ДО МИХАЙЛОВСКОГО ПО ПРЯМОЙ

Когда мне было лет пять, мама впервые привела меня в Тригорское. И там, как и в Михайловском, был парк. Но это был совсем другой парк, огромный! Он выглядел таким огромным, что, казалось, обойти его за день просто невозможно. Красивейшая излучина реки Сороть меня потрясла. Совсем недалеко от воды росла старая ива с серебристыми листьями, совсем такая, какие росли по берегу пруда с «горбатым мостиком» в Михайловском. Еще одно такое же дерево красовалось около недавно открытого Дома-музея. Старые липы, дубы, березы, клены... Один из дубов сильно наклонился, и под его стволом стояла белая парковая скамья. «Скамья Онегина» – гласила надпись на табличке. Тогда я уже была знакома с лесом, но мало что понимала в парках. И деревья были совсем не те, что в лесу. Парк казался заброшенным, таинственным, как в книгах про злых колдунов, очаровавших принцесс. И вот впереди показался просвет, там виднелась полянка. Конечно, это были солнечные часы со стоящим в центре высоким шестом со стрелкой. А на повороте к солнечным часам росла огромная ель, такая таинственная, каких в Михайловском, на знакомой аллее, я не встречала. Ее ветви спускались до самой земли, образуя шатер. Мама сказала, что это дерево так и называют – «ель-шатер», потому что под его кроной можно даже спрятаться от дождя. Мы зашли под «своды» еловых ветвей. Все было так необычно, даже страшновато. Но рядом была мама, она рассказывала о Пушкине и его тригорских друзьях, и страх ушел так же, как и появился – в никуда... Мы шли дальше, к «дубу уединенному». Мама мне пояснила: уединенный – потому что он стоит здесь один, на высоком холме. Он словно уединился от других, растущих внизу, деревьев. Через парк мы шли по неширокой дорожке, к ней сплошной стеной подступали деревья и кусты. Дорожка эта мне представлялась тоннелем в густых зарослях.

ТРИГОРСКОЕ. «СКАМЬЯ ОНЕГИНА». 4 «А» КЛАСС. ИЮНЬ 1964. ФОТО ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА Г. ПИВРИК

В 1961 году я пошла в первый класс Пушкиногорской средней школы им. А. С. Пушкина. Первых классов было два. Наш, 1 «а», вела Ольга Алексеевна Смирнова, а параллельный, 2 «б» – Клавдия Ильинична Терентьева. И вот эти две женщины стали моими очередными проводниками в мир прекрасного, в мир пушкинской эпохи, в мир пушкинских парков. Четыре года, после окончания учебы, мы со своими учительницами ходили в «походы» – в Михайловское и Тригорское (Петровское тогда еще не было восстановлено), в Святогорский монастырь. Это было уже более углубленное знакомство с Пушкинским Заповедником. В домашнем фотоальбоме сохранилась маленькая фотография, на обороте которой моей рукой написано: июнь 1964 года, Тригорское, «Скамья Онегина». Она сильно выцвела, не все лица, к сожалению, можно узнать. Но мне она очень дорога как память о первых встречах с тригорским парком.

В Михайловское ходили мы позже и с мамой. В непростые для нас времена мы шли туда, чтобы «отдохнуть душой». Я тогда увлеклась фотографированием, делала много снимков, к сожалению, они, мои первые попытки, очень неважного качества. Мама на Еловой аллее. Аллея представляла собой совсем не то, что видим сейчас, это был 1966 год, мемориальные ели росли до самого входа на усадьбу! Площадки-террасы на склоне к Сороти были обсажены высокими акациями, скамейки стояли как бы в маленьких кабинетах, где можно было если не укрыться от звуков, то просто уединиться.

Повзрослев, мы с моей лучшей подругой Верой взяли за правило в каждые каникулы посещать музеи Заповедника. Мы

пешком ходили в Михайловское и Тригорское, заходили в Дома-музеи. Запомнился случай, когда в конце марта 1971 года, в наши последние школьные каникулы, мы, десятиклассницы, пришли в Михайловское. Музей почему-то был закрыт, наверное, это был последний вторник месяца. Мы с сожалением смотрели на входную дверь, когда она вдруг открылась и на пороге появилась немолодая женщина с очень добрым лицом. Приветливо спросила, хотим ли мы зайти. Мы радостно закивали, сказали: «Да!», – и она пропустила нас в «Переднюю». В полнейшем восторге от того, что все так удачно сложилось, мы ходили по комнатам, тихо ступая, чтобы не нарушить музейную тишину. Есть в жизни каждого человека случаи, которые врезаются в память и при воспоминании о них делают даже пасмурный и трудный день солнечным и добрым. Это как раз один из них. Я не знаю, кто так гостеприимно отнесся к двум пушкиногорским школьницам, но предполагаю, что это была Александра Васильевна Зиновьева. Придя работать в Заповедник, я застала Александру Васильевну в должности смотрителя музея Михайловского. Много раз всматривалась в ее черты и очень сожалела, что не осмелилась спросить ее, вдруг она помнит тот случай. Только понимание того, что человек мог не запомнить всех своих добрых поступков, удерживало меня от разговора.

Первое учебное заведение, в котором я училась после окончания школы, был Лисинский лесхоз-техникум в Тосненском районе Ленинградской области. В то время техникум готовил специалистов для работы в лесном хозяйстве. Садово-парковое искусство не преподавали. А совсем недалеко от поселка Лисино-Корпус, где располагается техникум, находится Павловск. Через Лисино ходил автобус № 331 Тосно – Павловск. Весной 1973 года, в выходной день, мы с подругами туда поехали. Павловск с его старым парком меня потряс! На высоком берегу дворец, извилистая Славянка, вдоль которой то тут то там открывались для нас руины Каскада, мост с кентаврами, Храм Дружбы, Пиль-башня, Висконтиев мост... Мы гуляли по парку и даже не заметили пролетевшего времени, отчего не успели попасть в музей. Мне хотелось прикоснуться к каждому старому дереву, идти по парку до бесконечности, время от времени оглядываясь назад, чтобы увидеть новые картины, сотворенные природой и человеком. Долго находилась под впечатлением от посещения Павловска и во время своих раздумий вспоминала Тригорское. Еще не понимая того, что оба эти парка – павловский и тригорский, являются пейзажными – где-то в подсознании чувствовала их «родство».

И вот на очередной конференции памяти В. А. Агальцовой, слушая доклад московского педагога Ольги Владиславовны Окуловой, которая более двадцати лет привозила в Пушкинский Заповедник в качестве доброхотов своих учеников, прививая им любовь к прекрасному, я думала о том, что счастливо складывается судьба у тех, кому с детства довелось получить воспитание родителей, учителей, какое получила и я. Бесконечно благодарна судьбе, что родилась именно здесь и всегда знала, что до Михайловского, по прямой дороге от Мехова, через деревни Подборье и Бугрово, четыре километра, преодолев которые, попадаешь в совсем иной мир – мир поэзии, мир искусства, мир творения рук человеческих, коим являются исторические мемориальные парки.

Г. Пиврик, главный хранитель музейных лесов и парков

А. Г. ШБАНОВ. ЕЛОВАЯ АЛЛЕЯ. 1934 – 1946. ИЗ ФОНДОВ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА

Театр «Пушкинская школа» Государственного Пушкинского театрального центра в Санкт-Петербурге

Художественный руководитель – народный артист России,
лауреат Государственной премии России
Владимир Рецептер

Научно-культурный центр

Большой зал

16 сентября

Вт. 19.00

17 сентября

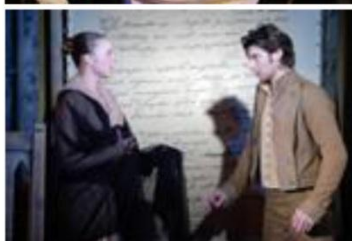
Ср. 19.00

18 сентября

Чт. 19.00

19 сентября

Пт. 19.00

20 сентября

Сб. 19.00

21 сентября

Вс. 18.00

23 сентября

Вт. 19.00

25 сентября

Чт. 19.00

24 сентября

Ср. 19.00

26 сентября

Пт. 19.00

27 сентября

Сб. 19.00

28 сентября

Вс. 18.00

А. С. Пушкин

«PERPETUUM MOBILE»

Драматическая хроника рыцарских времен
«Скупой рыцарь», «Сцены из рыцарских времен»

«ДОН ГУАН И ДРУГИЕ»

«Каменный гость», «Моцарт и Сальери»,
«Пир во время чумы» А. С. Пушкина

У. Шекспир

«ГАМЛЕТ»

перевод Бориса Пастернака

А. С. Пушкин

«ИСТОРИЯ ПУГАЧЁВСКОГО БУНТА»

Представление в 2-х частях
по «Истории Пугачева», «Капитанской дочке»
А. С. Пушкина и старинным казачьим песням

«ПРОГУЛКИ БЕЗ ПУШКИНА»

По рассказу А. Синаевского «Гололедица»

Осип Мандельштам

«ВОРОВАННЫЙ ВОЗДУХ»

стихи и проза

«А. С. ПУШКИН. «ДУБРОВСКИЙ»

по мотивам незавершенного романа

СПРАВКИ И ЗАКАЗ БИЛЕТОВ ПО ТЕЛЕФОНУ:

8 (81146) 21817, 8 (81146) 22427

ПУШКИНСКИЙ УГОЛОК

Музейно-информационное издание
Выходит с июня 2012 года.

Учредитель: Государственный мемориальный
историко-литературный и природно-ландшафтный
музей-заповедник А. С. Пушкина «Михайловское»
Адрес: 181370, Псковская обл., Пушкиногорский р-н,
с. Михайловское.

Главный редактор Н. Б. Василевич
Редакционная коллегия: Т. С. Новикова, И. Ю. Парчевская,
Е. Г. Степанова, П. А. Терещенко, Е. Н. Севастьянова, Л. А. Токарева
Отпечатано в компьютерном отделе Пушкинского Заповедника
Распространяется бесплатно

Служба информации:
тел/факс: (81146) 2-13-73; e-mail: informpg@ellink.ru;
Экскурсионная служба (заказ экскурсий):
тел./факс: (81146) 2-23-21, 2-26-09;
e-mail: burexpg@ellink.ru

Интернет-сайт: www.pushkin.ellink.ru

